

08.08.2008

Ирина Куксенкова

Трое суток в чеченском "Востоке" **Будни элитного спецподразделения федеральных сил**

За воротами – "Восток".
Фото автора

После 13 апреля в батальоне специального назначения «Восток» 42-й мотострелковой дивизии многое изменилось. Тогда под Гудермесом не разъехались два кортежа – президента Чечни Рамзана Кадырова и младшего брата комбата Сулима Ямадаева Батруди. После разразившегося конфликта, причина которого на первый взгляд кажется мыльным пузырем, кадыровцы открыли настоящую охоту на спецназовцев. Были и стрельба, и угрозы, и пытки захваченных... Все это, впрочем, неотъемлемая часть колоритной местной политики. А батальон «Восток» – неотъемлемая структура Российской армии. Спецкор «НВО» узнала, как протекает жизнь внутри этой воинской части и какова обстановка в горных районах уже 14 лет воюющей республики.

РЯБИТ ОТ РАМЗАНА

Чечня преображается со скоростью денежных траншей из Москвы в Грозный. На наши с вами налоги даже кое-что строят, не до конца разворовывая ассигнования из федерального центра, – оставляя пищу для телесюжетов про восстановление домов, комбайны, школы и больницы. В чеченских городах потихоньку наводят марафет, здания красят, но в большинстве из них по-прежнему жить сложно – внутри разрушения вплоть до перекрытий и стен.

Впрочем, в Чечне заметны и иные перемены – меньше стало плакатов с изображением Рамзана Кадырова с хвалебными подписями под ними. Хотя даже если снять еще половину из того, что осталось, от них все равно будет рябить в глазах...

По пыльным чеченским дорогам, не обращая внимания на марку автомобиля и статус водителей и пассажиров, без проблем передвигаются только коровы. Они тут священные животные, как в Индии, их не давят, а объезжают. Навстречу мчится колонна – джипы, «мерседесы», «лады» – всего штук тридцать, и страшно даже подумать, какой общей стоимостью. На встречной полосе все машины притормаживают и останавливаются справа у обочины. Наше авто с черными минобороновскими номерами – тоже. Правительственный кортеж оставил впечатление карнавала в Рио, когда все гудит, вопит, грохочет, а наблюдающие замирают от подобного зрелища. После того как пыль немного рассеивается, продолжаем движение...

«ВОСТОЧНЫЕ» МИРОТВОРЦЫ

База батальона «Восток» в Гудермесе с виду обычная воинская часть. За КПИ оживление: бойцы собирают сумки, прогревают огромные «Уралы», на которых антенн-заглушек немерено, кругом суета. В пять утра спецназовцы должны отправиться на ротацию в Южную Осетию – там батальон «Восток» выполняет миротворческую миссию.

– Есть ли какие-то особенности службы? – интересуюсь у водителя «Урала».

– Да нет, дороги нормальные, единственное, ездить нужно аккуратно, не дай бог с «кадырбосами» не разъехаться... Недавно под Грозным двигались мы колонной, я же сворачивать или останавливаться не могу, а они прут – ну и задел я одну их машину. Меня мордой о капот «Урала» два раза стукнули и уехали. А так ничего...

И действительно, что, кроме «ничего», скажешь. Пока на улице суета, иду в штаб, к легендарному прапорщику Расулу Баймурадову по прозвищу Диверсант. Этот человек, пожалуй, лучше всех в батальоне знает о миротворческой службе. В 2005-м он возглавлял подразделение голубых касок из «Востока» в Ливане, еще через год предотвратил провокацию грузин в зоне конфликта с Южной Осетией.

– Наши подразделения смело можно назвать самыми боеспособными на территории Чечни. За историю батальона у нас погибло более ста человек, более двухсот ранены. Мы постоянно находимся в состоянии боеготовности – это работа 24 часа в сутки, семь дней в неделю.

– Правда что в «Востоке» отсутствует такая всеобщая проблема Российской армии, как дедовщина?

– Да, на самом деле у нас этого нет, – отвечает прапорщик. – Просто некогда такими вещами заниматься. Постоянно воюем.

Наша беседа затянулась до половины четвертого утра, когда на плацу началось построение перед отъездом в Цхинвали.

– Не забываем паспорта, военники (военные билеты. – И.К.), – напоминает после переключки построившимся подполковник Фуженко. – Во время остановки никто не выходит слева, только по правую сторону, слушать и четко выполнять команды старшего по колонне.

Перед отъездом за полчаса было решено проехать по ночному Гудермесу, прощупать обстановку. Ночная Чечня – аттракцион для отважных. За всю дорогу мы встретили два поста «вроде бы» милиции и еще один пост людей в камуфляже без опознавательных

знаков. Ощущение не из приятных, тем более когда знаешь, что в республике по сей день боевики выставляют свои посты на дорогах... Но военные докладывают, что ехать можно, и колонна уходит в Цхинвали.

На сон осталось два часа. В 7 утра в Вооруженных силах подъем. Когда же они все-таки спят?

ЗАВТРАК В ГУДЕРМЕСЕ, УЖИН В БАМУТЕ

«Восток» входит в состав 42-й мотострелковой дивизии, но подчиняется непосредственно Генштабу. Основной костяк личного состава батальона – чеченцы. Это – и офицеры, и прапорщики, и сержанты, и рядовые. Кроме того, тут работают русские инструкторы-разведчики.

– Все ребята очень хорошо физически подготовлены, то есть с выносливостью проблем нет, – рассказывают инструкторы. – С детства умеют обращаться с оружием. Единственное, что необходимо это объяснить и показать, как обращаться со спецоружием. Также мы обучаем войне в лесу, налаживанию взаимодействия и друг с другом, и с артиллерией, авиацией. Обучаем минно-взрывному делу.

– Есть ли разница между чеченцами-разведчиками и русскими разведчиками?

– Есть. Чеченцы лучше знают местность и у них больше возможности для близкого контакта с местным населением. А у нас больше армейского опыта. Если это соединить, получаются великолепные результаты.

Чтобы оценить эти результаты, отправляемся со спецназовцами в Веденский район.

– Завтрак в Гудермесе, обед в Ведено, ужин в Бамуте, – хочешь посмотреть мир и познакомиться с новыми людьми – выбирай службу по контракту, – шутят военные.

ВЕДЕНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Если равнинная Чечня более или менее становится похожей на мирную территорию, горная часть республики по-прежнему остается практически неконтролируемой. Веденский район – «бермудский треугольник» на карте России, где не действует никакой закон, кроме одного – «выживает сильнейший». Прав только тот, у кого есть автомат, а еще лучше – два. И, наверное, это единственное место в стране, где никого не интересует индекс Доу-Джонса и котировки РТС.

В машине спецназовцев, с которыми мы едем в Ведено, нет магнитолы, играет музыка на мобильном – из телефона доносится творчество Антонио Бандераса, саунд-трек к фильму «Однажды в Мексике».

– Да, горная Чечня – наша Мексика: оружие, наркотики и постоянные перестрелки, – констатирую факт.

– Куда там до нас Мексике, – отвечают военные.

Именно в этот момент мы стали сбрасывать скорость, крутая горная дорога не позволяет ехать максимально быстро, а значит – максимально безопасно. Спецназовцы передергивают затворы. Сразу за Сержень-Юртом – селом, про которое спел известный

чеченский бард-боевик Тимур Муцураев, что здесь все пропитано войной, – начинается дорога, где по обе стороны густая «зеленка» и позиций для обстрелов и нападений на колонны – неисчислимо множество.

К слову сказать, если что случится – и помощи-то ждать не от кого. В десяти километрах отсюда стоит рота батальона Внутренних войск «Юг», та самая, которая решила подождать до утра, когда боевики недавно заходили в Беной-Ведено. И еще один совмещенный пост – от 42-й дивизии и чеченских милиционеров. Однако и об этом блокаде ходят неприятные разговоры: мол, в июне пропустили машину, в которой вывозили раненого боевика.

– Раньше Веденский район был разбит на квадраты, в каждом из которых работали разведчики, – рассказывают военнослужащие. – Сейчас присутствие войск в Чечне сильно сократили, и здесь вообще никого не осталось, кроме роты батальона «Восток».

Пытается работать в горах спецназ Внутренних войск, но похвастаться пока нечем. У них другая специфика, вести боевые действия в горах не их профиль.

Рамзан Кадыров предложил провести совместную спецоперацию чеченских милиционеров и военных. Предложение по меньшей мере странное. И дело даже не в том, что президент республики время от времени говорит о семидесяти недобитых «шайтанах», которых, если надо, он лично с автоматом в руках уничтожит, – вся проблема в том, что каждый должен заниматься своим делом. Кстати, в Чечне, согласно данным разведки, боевиков от 670 до 740 (это вместе с молодняком, пополнившим ряды сепаратистов этой весной).

ОСТРОВ «КУБА»

Между тем мы наконец-то подъезжаем к веденской базе «Востока». Нас встречает командир роты гвардии майор Заутдин Баймурадов, или просто «Куба». Такой позывной ему дали из-за того, что командует самой дальней ротой и очень редко спускается на равнину к «цивилизации» – в общем, далек, как Остров свободы. Командир сразу предлагает пройтись, осмотреть свои «владения».

– А почему все строения в селе одинаковые – покрытые красной черепицей, а у вас – с крышей беда? – спрашиваю у «Кубы».

– 2008 год в Чечне объявлен годом Ведено, выделяются деньги из бюджета на восстановление села, все дома латают как могут, а нас вот обделили... А вот тут, посмотрите, у нас столовая, тут казарма, тут спортзал.

Условия, конечно, не курортные, но вполне пригодные для жизни. По периметру – колючая проволока, укрепления, вышки с часовыми, огневые точки и подземные блиндажи, – почти крепость.

Спецназовцы уже, кстати, переоделись и пошли стучать по «груше» и таскать 50-килограммовые штанги – неотъемлемая часть их рабочего дня. Один из них делал это в футболке «Я гордость Галактики. Я победил вселенское зло». И ведь не поспоришь.

Вообще эта база, вернее территория, на которой она находится, не принадлежит Минобороны. Раньше тут находилось правление колхоза, теперь по распоряжению регионального оперативного штаба базируется рота «Востока». Но чеченские власти

развернули активную кампанию по выдавливанию военных из Чечни. И теперь за эти земли идет настоящая юридическая битва.

«Профедеральным» чеченцам начинать работать в Ведено было сложно. У жителей воинственных горных районов человек в форме любого представителя российской власти не вызывал ничего, кроме презрения. Когда шесть лет назад сюда пришел спецназ, им даже отказывались продавать на базаре хлеб и сигареты – местное население было настроено агрессивно. Тогда и подумать никто не мог, что спустя годы в роте будут служить призывники из Ведено. Сейчас тут таких больше половины.

– Объяснять приходилось долго и упорно, причем по-нашему, по-чеченски, учитывая менталитет. Вы себе не представляете, сколько сил стоило убедить людей в том, что боевики не несут ничего, кроме зла, – рассказывает «Куба». – Сейчас до всех наконец-то дошло, что лучше жить мирно с Россией, чем помогать арабам и цэрэушникам.

Беседа опять закончилась поздно ночью, на небе светит огромная полная Луна и слышен жуткий волчий вой. Вставать в половину пятого утра. Ну когда же они все-таки спят?

Утром начинаются сборы на разведывход. По-другому это называется «выйти на охоту». Два человека идут снимать растяжки вокруг базы, которые установили на ночь, все остальные бойцы надевают разгрузки. Каждый разведчик несет на себе не менее полусотни килограммов – оружие, боеприпасы и все прочее, без чего не обойтись на задании. Кроме того, обязательная вещь «макияж» – спецназовцы обвешиваются для маскировки ветвями орешника. Мне разрешили сопровождать бойцов только метров 500, дальше нельзя. В лесу сразу становится понятно, как можно не заметить противника в двух саженях от себя – «зеленка» густая-густая, лопухи по полтора метра, трава по пояс.

– Изменились ли средства и методы ведения боевых действий? – спрашиваю у спецназовца-инструктора.

– Естественно. Сейчас самая активная фаза партизанской войны. Боевиков выгнали в горы, но дефицита в продуктах, оружии и обмундировании они не испытывают. Денежные транши поступили, продукты и форму успели закупить, пока из-за известных событий у «Востока» был запрет на проведение операций. Теперь заходят в села налегке и действуют более дерзко.

– А как вы ликвидируете террористов?

– Кроме того, что работаем мелкими группами – по три-четыре человека, больше ничего сказать не могу, – улыбается военный.

ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

В кабинете у «Кубы» на стене висит что-то вроде схемы бандитского подполья и пособников боевиков. Сверху на ней портреты главарей «Кавказского имамата»: Шамиль Басаев, Абдул-Халим Садулаев, Абу Хавс, Раппани Халилов и Доку Умаров. Кроме последнего, на лицах остальных поставлены крестики, над которыми ручкой написаны даты гибели. Всего на территории Чечни действуют 104 бандгруппы, гораздо меньше в других северокавказских регионах: в Ингушетии – 12, в Дагестане – 7.

За последние годы, в основном благодаря телевидению, гражданам РФ порой и в самом деле кажется, что сейчас Чечня – «самый безопасный регион» Российской Федерации. К

несчастью, это не так. Главной проблемой жителей по-прежнему остается безработица и отсутствие безопасности. Боевики все также держат в страхе горную часть республики, свободно заходят в села, выставляют посты на дорогах. Просто до нас не доходит и четверти реальной информации – Чечню поместили в информационный колпак, на все, что там случается негативного, накладывается гриф «секретно». Например, недавно в Урус-Мартане боевики устроили засаду на сотрудников милиции, которые везли на встречу с молодым «ичкерийским партизаном» его родственников. До нас дошло, что расстреляли трех человек. Но то, что одному из расстрелянных милиционеров лично амир Тархан Газиев отрезал голову и унес с собой как трофей, решили не разглашать...

...Спецназовцы вернулись из веденских «джунглей» с большим фугасом. Вытащили его на поляну и начали разбирать. Сверху проводки – красный и желтый, под крышкой – обычная ручная граната, из которой извлекается взрыватель. Все остальное – гайки, железки, болты – поражающие элементы. Такая штука может убить десяток людей. Чтобы ее обезвредить, спецназовцам нужно немногим более секунд 30-ти. Война продолжается.

Грозный–Москва материалы: НГ-НВО© 1999-2007

Опубликовано в НГ-НВО от 08.08.2008

Оригинал: http://nvo.ng.ru/forces/2008-08-08/6_vostok.html